

# „ВЫ ЛЮДЯМ ДЕЛАЕТЕ ДОБРО“

Несколько дней назад в «Советской Чувашии» было опубликовано сообщение о том, что в деревне Кольцовке Вурнарского района состоялось открытие мемориальной доски в память о нашем земляке народном артисте СССР Максиме Дормидонтовиче Михайлове. Своим многолетним, беззаветным служением советскому искусству прославленный артист заслужил признание всего народа. Он пел народу, который любил и любит его. Он был поистине народным певцом.

**П**ЕВЦОМ он был по призванию. И все же огромного самобытного таланта было мало, чтобы из знаменитого российского протодьякона стать еще более прославленным народным артистом. Надо было иметь огромную любовь к родному народу и могучий дух, чтобы решиться перейти из храма божьего в храм искусства.

М. Д. Михайлов родился в селе Кольцовке, в Чувашии, за семь лет до наступления XX века. В детстве он не знал радости, так как у деда Михайлы едва хватало хлеба, чтобы прокормить пятнадцать ртов. В семье, однако, любили петь. Максимка, как его любовно звал дед, не отставал от взрослых. Лет с шести он пел уже под гармошку, а когда пошел в земскую школу, — в хоре взрослых. Всех он удивлял чистым и звонким дискантом. Его заметил К. Н. Поливанов, опытный педагог, большой любитель и знаток пения, приезжавший в Кольцовку. Поливанов, позже удостоенный звания заслуженного учителя РСФСР, забрав мальчика к себе, в Бетковскую второклассную школу Казанской губернии, сделал все, чтобы развить его голос и основательно обучить музыкальной грамоте.

Подростком Михайлов пел тенором. Бас у него развивал под строгим наблюдением Поливанова. «Басище выработается отменный», — говорил он без гордости о способном ученике, — если руку приложить. У него не голос, а нерихонская труба! Поливанов предсказал ему большое будущее, если он и дальше будет учиться.

Когда Михайлов, в поисках лучшей доли, пешком добрался до Казани и устроился в монастырском хоре (больше ему негде было петь), его привели к Ф. А. Ошустовичу, преподавателю музыкального училища, бывшему тенору, профессору своего дела.

Не ожидавший, что у Михайлова, выглядевшего подростком из-за небольшого роста и худобы, обнаружится сильный и богатый тембр бас, он стал увлеченно заниматься с ним по постановке голоса. Терпеливый юноша выдержал в этот период непосильную нагрузку. Кроме занятий на дому у Ошустовича, ему надо было посещать занятия в музыкальном училище и на пастырских курсах, куда его устроили, чтобы у него была пища и крыша над головой. К тому же он обязан был петь в монастырском хоре три раза в день, начиная с четырех часов утра. Ученик и здесь, в Казани, оправдал надежды педагога. После первого в его жизни концерта в му-

зыкальном училище, на котором он самозабвенно исполнил народные песни и несколько арий, в местных газетах заговорили о многообещающем басы Михайлова.

**К**ОНЧИЛАСЬ учеба. Певца, по рукам и ногам связанного пастырскими курсами, посвятили сначала в дьяконы, а затем в протоиереи, и в течение многих лет он выступал в соборах и церквях, поражая людей мощным густым бархатным басом. Гимназисты и студенты еще в ту пору называли Михайлова артистом, а его начальство достаточно резко выражало недовольство тем, что дома он весьма много «балует» светским пением». Домашние «репетиции» с исполнением народных песен и арий из опер Михайлову были необходимы. Слава Михайлова дошла до Москвы, куда его перевели в 1924 году. А через несколько лет на Тверской с ним встретился Алексей Максимович Горький, чье имя теперь носит эта улица.

Когда завязался разговор по душам, Горький сказал:

— Уж больно хорош у вас голос, Максим Дормидонтович. Когда же в опере вас услышим?

— В опере? — переспросил Михайлов, вздрогнув от этой мысли.

Это было его больным местом. Когда Михайлов жил еще в Казани, ходил в театр, его особенно потрясла опера «Иван Сусанин». «Эх, вот бы мне самому когда-нибудь в театре петь!» — мечтал он. Его, наверное, без разговоров взяли бы тогда в оперный хор, но тут помешали жизненные обстоятельства. Только спустя лет 12—15 он стал посещать Большой театр, где все его поражаало.

— Русь-матушка породила не одного Шалыпина, — продолжал Горький с какой-то душевной болью в голосе. — Какой самородок, а на чужбине пропадает. Ему бы в Большом театре греметь. Знаю, тяжело ему... Но вы, Максим Дормидонтович, слава богу, не покинули Россию.

Нет, Михайлов и не помышлял об этом. Вон, в 1919-м в Омске колчаковцы уговаривали, чтобы он ушел вместе с ними. А он, рискуя жизнью, спрятал у себя на квартире «дезертира», который шел к красным. Потом ему самому пришлось за Омь перебираться...

— Не пора ли вам из храма божьего в храм искусства перейти и всему народу послужить? — спросил Горький.

— Уже поздновато, видно, менять жизнь. Непростое это дело идти в артисты... Да и решиться будет трудно...

— Вам ли сомневаться! — в сердцах сказал Горький. — Видать, вы сами не осознали еще, какой у вас редкий дар. Поверьте, из вас выйдет необыкновенный артист. С таким-то голосом, да сомневаться! Нужно будет — покажут, научат. Попробуйте, решитесь.

«Не поздно ли в 38 лет начинать другую жизнь?» — сомневался Михайлов. Но решился петь на радио, когда с ним побеседовал народом просвещения А. В. Луначарский.

— Мы пригласили вас, Максим Дормидонтович, — сказал Луначарский, — чтобы просить послужить советскому искусству. Известно, что вы любите народ... Мы хотим, чтобы вас слушала вся страна. И на Чукотке, и в Кольцовке. А что лучше, чем петь народу, который любит вас?

И вот в 1931 году в эфире стал раздаваться михайловский бас, удивляя радиослушателей силой и красотой. По требованию зрителей Михайлова стали «показывать» и со сцены Радиотеатра. А уже в ноябре следующего года Михайлов был приглашен солистом в Большой театр.

**Ш**ЕДЕВРОМ стал михайловский Сусанин. С годами все убеждалось, что лучшего Сусанина, чем у Михайлова, трудно создать. В 1940 году Михайлова удостоили звания народного артиста СССР, а еще через год ему присудили первую Государственную премию — за выдающийся успех «Ивана Сусанина» в Большом театре. Михайлов спел партию Сусанина около 300 раз. Такое бывает редко. За четверть века работы в Большом театре артист создал немало и других колоритных образов. Достаточно назвать Варяжского гостя в «Садко», Кончака в «Князе Игоре», Гремину в «Евгении Онегине», Мельника в «Русалке», Пимена в «Борисе Годунове», Чуба в «Черевичках». Пожалуй, нельзя не согласиться с народным артистом РСФСР П. М. Норцовым, долгие годы бок о бок работавшим с Михайловым в Большом театре.

«Если Иван Сусанин — родственник характеру актера типаж, — писал он в связи с 75-летием Михайлова в «Советском артисте», — то откуда же возник у крестьянина из Чувашии такой изумительный, такой истинно гоголевский Чуб? Кому, как не мне, украинцу, родившемуся и выросшему на Полтавщине, в нескольких верстах от Диканьки, понять и оценить всю прелесть и тонкость хохляцкого юмора, насыщавшего созданный Михайловым образ Чуба? А михайловский Кончак — этот самодовольный, спокойный и уверенный в своей силе восточный деспот? Откуда у Михайлова возник этот образ?.. Михайлов — огромный природный талант, недостаточно понятый многими его современниками и, по скромности самого Максима Дормидонтовича, неосознанный даже им самим».

Советский народ, партия и правительство глубоко поняли и высоко оценили талант и самоотверженную творческую деятельность Михайлова. Еще до войны он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В годы войны ему второй раз присудили Государственную премию. После войны за выдающиеся заслуги в развитии советского музыкально-театрального искусства его удостоили высшей правительственной награды — ордена Ленина.

Потоки писем от благодарных советских людей шли к Михайлову до последних дней его жизни. Ему писали отовсюду и все — от школьников до ровесников, которые еще не забыли, как его голос «сотрясал стены соборов». Поклонники Михайлова и после его смерти продолжают писать в редакции Центрального телевидения, Всесоюзного радио, чтобы концерты великого певца чаще показывали по телевидению, передавали по радио.

Для народа Михайлов не щадил ни голоса, ни жизни. Много было у него фронтовых «горячих» концертов, когда над головами летали фашистские бомбовозы или поблизости поднимались фонтаны взрывов. Он даже давал концерты для отдельных раненых солдат, для шофера, который его возил по фронтовым дорогам. В мирные дни Михайлов исколесил всю страну от Балтики до Тихого океана, от Крайнего Севера до Черного моря. Его концертный репертуар включал свыше ста песен народных и современных романсов, арий.

Михайлова восторженно встречали в Болгарии, Венгрии, ГДР и других социалистических странах. Он выезжал с гастрольными бригадами в Австрию, Италию, Францию, Норвегию, Индию. Зарубежные критики сходились на том, что михайловский «бас-баритон отличается такой силой и ровностью, которые редко встречаются». В Италии, на родине знаменитых певцов, пресса отмечала: «Главным открытием вечера был бас М. Михайлова. Он самый русский... но главным образом русский из-за характеристики его голоса, из-за своего живого духа исполнения, из-за силы колорита».

Что значил он и что значил его искусство для людей, видно хотя бы вот из этого письма: «Осенью 1943 года я получила похоронную. Был страшный день в моей жизни. И вдруг слышу по радио вас. Вы пели арию Ивана, Сусанина. Сказала сама себе: вот Саша мой никогда больше не услышит... Ваш голос казал, живи, вдова... Вы меня заставили жить и растить детей... Вы людям делаете добро. Вы должны жить и никогда не гаснуть».

Михайловский бас будет звучать, пока здравствует народ, его породивший.

Георгий МИКУШКИН.